

МАРГАРЕТ
МЭЛЛОРИ

Учитель

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М97

Серия «Очарование» основана в 1994 году

Margaret Mallory
THE WARRIOR

Перевод с английского *Н. Г. Бунатян*
Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора,
издательства Grand Central Publishing
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Мэллори, Маргарет.

М97 Воитель : роман / Маргарет Мэллори ; [пер. с англ. Н. Г. Бунатян]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-111426-8

Могучий горец Дункан Макдоналд нигде не знал покоя — его неотступно преследовал образ дочери предводителя клана Мойры, которую он любил и потерял: ее отдали замуж за другого. Но теперь, когда овдовевшей Мойре угрожает опасность, Дункан не задумываясь готов рисковать жизнью, чтобы спасти возлюбленную.

Однако что же случилось с Мойрой? Куда пропали ее любовь, нежность и доверие к Дункану? Почему она видит в своем спасителе едва ли не врага? Какие силы встали между ней и тем, кто когда-то был смыслом ее жизни? И удастся ли смелому горцу вновь пробудить в ее сердце пламя любви?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Margaret Mallory, 2012
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-111426-8

Пролог

*Остров Скай, Шотландия
1508 год*

Дункан Макдоналд мог одолеть любого воина в замке и тем не менее был бессилён против семнадцатилетней дочери предводителя собственного клана.

— Как только мой отец уйдёт из зала, — прошептала Мойра, придвинувшись к нему так близко, что у него закружилась голова, — я встречу с тобой у ясеня.

Дункан понимал, что должен отказать ей, но с таким же успехом мог попытаться остановить биение своего сердца.

— Я же просил, чтобы ты не разговаривала со мной здесь, — сказал он, оглядывая вытянутую комнату, наполненную людьми клана и гостями их предводителя, прибывшими из Ирландии. — Кто-нибудь может заметить.

Когда Мойра повернулась и в упор посмотрела на него темно-синими глазами, Дункан почувствовал себя так, словно получил удар в грудь. Так было, когда она впервые взглянула на него по-настоящему, — и с тех пор повторялось каждый раз.

— Почему кто-то должен обращать внимание, если я разговариваю с лучшим другом своего брата Коннора? — возразила она.

Возможно, потому, что первые семнадцать лет своей жизни она не замечала Дункана? Для него все еще оставалось загадкой, почему все изменилось.

— Теперь иди — Рагнелл смотрит на нас, — сказал Дункан, почувствовав на себе взгляд ее старшего брата. В отличие от Мойры и Коннора у Рагнелла были светлые, как у отца, волосы, отцовские крепкая фигура и крутой нрав, и он был единственным из клана, кого Дункан, быть может, и не одолел бы в битве.

— Я не уйду, пока ты не скажешь, что встретишься со мной позже. — Мойра скрестила руки, но уголки ее пухлых губ насмешливо приподнялись, напоминая Дункану, что для нее это просто забава.

Однако, если предводитель клана заметит, что Дункан уходит с его единственной дочерью, он убьет его на месте. Не потрудившись ответить, Дункан повернулся и покинул зал — Мойра знала, что он придет.

Ожидая ее в темноте, он прислушивался к тихому плеску моря о берег. В этот вечер над туманным островом Скай не было тумана, и замок Данскейт, на фоне ясного ночного неба сияющий в свете факелов, был прекрасен. Дункан вырос в замке и тысячу раз видел эту картину, но всякий раз она поражала его своим великолепием.

Его мать служила няней детям главы клана, и с колыбели он и Коннор были закадычными друзьями. С того момента когда они смогли держать деревянные мечи, они оба и кузены Коннора, Алекс и Йен, вместе обучались военному искусству. В перерывах между тренировками с оружием они отправлялись искать приключений — или неприятностей на свою голову — и, как правило, находили их.

Мойра всегда держалась в стороне — чопорная принцесса, раздетая в шелка, — и Дункан мало об-

щался с симпатичным маленьким созданием, чей смех часто наполнял замок.

Услышав шелест шелковых юбок, Дункан обернулся и увидел бегущую к нему Мойру. Даже в темноте и с головы до ног скрытую накидкой он узнал бы ее среди тысячи женщин. Не видя, что у нее на пути, Мойра все равно бежала сломя голову, не ожидая никаких помех. И ни один камень не попал ей под ноги, потому что даже волшебники благоволили к этой девушке.

Мойра обвила руками шею Дункана, и он, закрыв глаза, наслаждался ее женской мягкостью, а вдохнув запах ее волос, почувствовал себя так, словно лежит среди полевых цветов.

— Прошло уже целых два дня, — напомнила Мойра. — Я соскучилась по тебе.

Дункан удивлялся беспечности Мойры. Девушка говорила все, что приходило ей в голову, ни о чем не заботясь и не боясь отказа. Но в самом деле, кто ей откажет?

Предводитель клана отправил Дункана вместе с Коннором и кузенами Коннора в университет в центральной Шотландии, и там Дункан узнал о Елене Троянской. Мойра обладала такой же прекрасной внешностью — пожалуй, она тоже могла привести к войне кланов. И что еще хуже для его ревнивого сердца, у нее были соблазнительные формы и врожденная чувственность, которые вызывали желание у всех без исключения мужчин.

Если ее красота заставляла остальных представителей сильного пола просто хотеть ее, то для Дункана Мойра была яркой искрой в его мире.

Потянув его вниз, Мойра прижалась к нему страстным поцелуем, от которого у Дункана закружилась голова, и прежде чем он о чем-то подумал, его руки уже блуждали по изгибам женского тела, а Мойра тихо сто-

нала. Они были готовы тотчас упасть на траву у себя под ногами, где на них могли наткнуться, поэтому Дункан оборвал поцелуй. Одному из них следует сохранять рассудок — и пусть это будет не Мойра.

— Не здесь, — сказал он, хотя отлично знал, чем они начнут заниматься, если пойдут в пещеру, и в предчувствии этого все его клеточки трепетали от желания.

В первые недели они находили способы удовлетворять друг друга, не совершая последнего, непоправимого греха, — того, который мог стоить Дункану жизни, если глава его клана узнает о нем. Дункан чувствовал вину, беря то, что по полному праву принадлежало будущему мужу Мойры, но то, что он так долго держался на расстоянии от нее, уже могло считаться чудом.

Во всяком случае, он был уверен, что Мойра не станет страдать из-за того, что они сделали. Она умная девушка — и не будет первой, кто прольет пузырек овечьей крови на свою брачную простыню. И Мойра не из тех, кого будет мучить вина.

Оказавшись внутри пещеры, они расстелили одеяло, которое предусмотрительно хранили там, и Дункан притянул девушку к себе на колени.

— Сын ирландского предводителя довольно интересный, — сообщила Мойра, ткнув Дункана пальцем в бок.

После смерти матери Коннора и Мойры их отец больше не женился, поэтому, когда собирались гости, Мойра всегда сидела рядом с отцом, очаровывая собравшихся, в то время как ее старший брат Рагнелл, сидя по другую сторону отца, запугивал их.

— Этот мужчина во время всего ужина смотрел на вырез твоего платья. — И Дункан даже думал, что Мойра не возражала против этого. — Мне хотелось дать ему по башке.

Всю свою жизнь он следил за собой — во-первых, потому, что выглядел крупнее остальных юношей, и, во-вторых, потому, что его положение было очень непрочным. Ему было не по себе от того, что Мойра вынуждала его частенько терять самоконтроль.

— Это приятно, — засмеялась она и поцеловала его в щеку. — Я старалась заставить тебя ревновать.

— Зачем это тебе?

— Чтобы быть уверенной, что ты встретишься со мной, так как нам нужно поговорить. Дункан, — теперь ее тон стал серьезным, — я хочу, чтобы мы поженились.

Дункан закрыл глаза и позволил себе на короткое мгновение сделать вид, что такое возможно. Он представил, как счастлив мужчина, который каждую ночь спит в объятиях этой девушки и каждое утро, просыпаясь, видит ее радостную улыбку.

— Этого ведь никогда не будет, — возразил он. — Кто же нам позволит?

— Безусловно, будет.

Мойра привыкла добиваться своего. Ее отец, у которого не было других слабостей, баловал ее, но в таком важном деле ни за что не пойдет на уступки.

— Твой отец никогда не позволит своей единственной дочери выйти замуж за внебрачного сына няньки. Он использует твое замужество, чтобы заключить важный союз в интересах клана.

Достав фляжку с виски, Дункан сделал большой глоток — ему это было необходимо, когда Мойра болтала подобный вздор.

— В конце концов отец всегда позволяет мне то, что я хочу. А хочу я, — ее теплое дыхание коснулось его уха, а рука скользнула вниз по его животу, — тебя, Дункан Руад Макдоналд.

Будучи не в состоянии думать, когда вся кровь прилила к его петушку, Дункан привлек Мойру в объятия, и они, сплетя ноги, растянулись на одеяле.

— Я безумно хочу тебя, — шепнула она между испуганными поцелуями.

Ему все еще было трудно поверить, что Мойра действительно хочет его, но когда она накрыла рукой его член, он поверил этому, потому что как бы сильно она ни хотела его, он уже принадлежал ей.

Мойра лежала, положив голову ему на грудь, а Дункан перебирал пальцами ее волосы. Он старался запомнить каждое мгновение, проведенное вместе с Мойрой, чтобы потом восстановить его в памяти.

— Я так люблю тебя, — сказала она.

Дункана наполнило незнакомое ощущение бурлящего внутри истинного счастья.

— Скажи, что ты тоже любишь меня, — попросила она.

— Ты ведь знаешь, что люблю, — ответил он, хотя это не меняло того, что произойдет. — И никогда не перестану.

Его чувства не приходили и не уходили, как у Мойры. Одну неделю она любила свою гнедую лошадь, на следующей неделе — серую в яблоко, а через неделю ей вообще не нравилось ездить верхом. Она всегда была такой, и они во многом являли собой полную противоположность.

Дункан заставил себя сесть, чтобы ему было видно небо снаружи пещеры.

— О, уже почти рассвело, — заметил он и обругал себя. — Я должен поскорее вернуть тебя в замок.

— Мне удастся убедить отца, — заговорила Мойра, когда они оделись. — Он не дурак и понимает, что настанет день, когда ты станешь знаменитым воином, известным на всех западных островах.

— Если ты расскажешь о нас отцу, — он взял в ладони ее лицо, — то всему этому придет конец. Не стоит этого делать.

Мойра не могла быть такой несмышленной, как старалась казаться. Неужто она и вправду не понимала, какая обстановка складывается вокруг?

— Если я буду носить твоего ребенка, он позволит нам пожениться, — тихо сказала она.

У Дункана остановилось сердце.

— Скажи мне, ты принимаешь снадобье, чтобы ненароком не залететь?

— Да, — с раздражением ответила она. — И у меня идут месячные.

Он большим пальцем погладил ее по щеке. Странно, но Дункану хотелось бы иметь от нее ребенка — девочку со смеющимися, как у Мойры, глазами. Но у него нет даже права на подобные мысли. Пройдут годы до того, как он будет в состоянии содержать жену и ребенка, и он никогда не сможет обеспечить женщину, привыкшую к роскошным одеждам и слугам.

Паника, которую Мойра вызвала в нем, заставила его — еще раз — принять решение положить этому конец. Мойра может скрыть потерю девственности, но ребенок — это уже совсем другое дело. Как его скроешь?

— Если отец не согласится, мы можем убежать, — продолжала она размышлять вслух.

— Он пошлет за нами полдюжины боевых галер, — сказал Дункан, застегивая на ней накидку. — Даже если мы убежим — что трудно себе представить, — ты никогда не будешь счастлива, подвергнувшись осуждению всего клана и проживая в убогом жилище. Я слишком люблю тебя, чтобы так поступить с тобой.

— Не сомневайся во мне. — Мойра схватила его за рубашку. — С тобой я готова жить где угодно.

Она была уверена в этом только потому, что никогда не испытывала тягот жизни. С самого начала Дун-

кан понимал, что при всем желании не сможет содержать ее. Мойра была подобна яркой бабочке, на краткий миг севшей ему на руку.

Когда они добрались до входа в кухню с задней стороны башни, небо уже светлело.

— Я люблю тебя, — повторила Мойра, — и обещаю, что, так или иначе, выйду за тебя замуж.

Дункану повезло, что она его любила, пусть даже и совсем недолго. Он привлек ее к себе для последнего страстного поцелуя и подумал, как дожить до следующей встречи.

Он жил на грани беды, никогда не зная, что случится с ним раньше — его поймут или сама Мойра положит конец их отношениям. И все же он никогда в жизни не чувствовал себя счастливее. Идя через двор замка к домику матери, он был вынужден заставить себя не насвистывать.

Проклятие, в окошке был виден свет свечи. Дункан, разумеется, являлся взрослым человеком, ему было около двадцати лет, и он не обязан был отчитываться перед матерью, но все же ему хотелось, чтобы она не бодрствовала и не знала, что он вернулся домой с восходом солнца. Она начнет задавать вопросы, а ему не хотелось лгать ей.

Дункан открыл дверь — и все внутри у него мгновенно оборвалось.

Предводитель клана и Рагнелл сидели по обе стороны стола, положив на колени вынутые из ножен широкие мечи. С золотистыми волосами и горящими золотистыми глазами они выглядели как пара львов, и от них исходила ярость. Ничего хорошего это не предвещало.

Хотя Дункан не сводил глаз с двух воинов, заставлявших маленький домик казаться еще меньше, он знал, что мать плачет, съежившись в углу на полу, а одиннадцатилетняя сестра стоит рядом, положив руку матери на

плечо, и надеялся, что его не убьют на глазах у матери и сестры.

— Старая пророчица предсказала, что однажды ты спасешь жизнь моему сыну Коннору. — Предводитель обладал столь грозным голосом, что, заслышав его, птицы падали с неба. — Это единственная причина, по которой я не убил тебя, как только ты появился в дверях.

Дункан догадывался, что вместо этого будет избит до полусмерти. Но побои, хотя и мучительные, ничего не значили — он сильный, он выдержит их. Но что тяжким грузом обрушилось ему на плечи, так это осознание того, что он больше никогда не обнимет Мойру.

Предводитель снова заговорил, но Дункану было тяжело слушать, когда поток горя заполнял его грудь:

— Подозреваю, что Коннор и мои племянники знали, что ты оскверняешь мою дочь! — Предводитель собрался встать со стула, но Рагнелл остановил его, положив руку отцу на локоть.

— Сегодня мы отбираем у Маккиннонов замок Нок, так что бери свои меч и щит, — обратился Рагнелл к Дункану. — Как только битва закончится, ты, Алекс и Йен отправитесь вместе с Коннором во Францию. Там ты сможешь оттачивать свое искусство, сражаясь с англичанами.

— К тому времени когда ты вернешься, — сказал предводитель, с ненавистью глядя на него прищуренными до щелочек глазами, — Мойра будет жить со своим мужем и детьми далеко от Ская.

Дункан с самого начала знал, что потеряет Мойру, и тем не менее почувствовал потерю так остро, как будто был новобрачным, у которого вырвали из рук молодую жену уже в первую брачную ночь.

Яркая искра навсегда ушла из его жизни. Осталась тьма.

Глава 1

*Гленс, Ирландия,
Январь 1516 года*

— Остров Скай там. — Стоя на берегу моря, Мойра держала за руку сына и указывала на пустой горизонт на севере. — Это наш настоящий дом. Никогда не забывай, что мы Макдоналды со Слита.

Ее сын Рагнелл, названный в честь старшего брата Мойры, угрюмо кивнул, а через несколько секунд спросил:

— Если это наш клан, почему тамошние обитатели никогда не приходят к нам?

Действительно, почему? Мойре неприятно было ощущение, что она оказалась в ловушке. Если она когда-нибудь убежит от мужа, то не допустит, чтобы такое повторилось. Никогда. Единственное, чего она хотела в этой жизни, — это быть со своим сыном в безопасности в замке Данскейт. Когда-то она хотела большего — нет, просто расценивала это как должное.

Ее мысли заполнил незванный и нежеланный образ Дункана Макдоналда, человека, чей побег привел ко всем ее несчастьям. После ее брата Рагнелла, бывшего на десять лет старше, в ее ближайшем окружении не было столь многообещающего молодого воина. Мойра помнила медно-рыжие волосы Дункана, блестящие в солнечном свете, резкие черты его лица, смягчавшиеся, когда он смотрел на нее, и тело воина, которое научило ее наслаждению.

Ей было бы лучше без этих воспоминаний. Ну что ж поделаешь, в семнадцать лет она была глупой и доверчивой девушкой. Она видела в молчании Дункана преданность, принимала вожделение за любовь и рассчитывала на его силу в борьбе за нее. Увы, она ошиблась во всех отношениях.

— Будь ты проклят, Дункан Руад Мор! — тихо буркнула Мойра, глядя на пустынное море. — Как ты мог бросить меня?

Дункан принес ей больше горя, чем разбитое зеркало, — семь лет страдания, которому не видно конца.

Мойра вспомнила день своей свадьбы. Все собрались в зале, ожидая невесту, а она стояла на стене замка, продолжая высматривать вдали парус. До последнего момента, пока отец сам не пришел за ней, она надеялась на чудо и молилась, чтобы Дункан вовремя вернулся и спас ее. Даже тогда она побежала бы на берег и — отчитав его так, что он надолго запомнил бы, — забралась бы к нему в лодку и уплыла бы с ним куда угодно.

Она была совершенно уверена, что он вернется к ней, но прошло пять лет, прежде чем Дункан Макдоналд возвратился на Скай, и она никогда не простит его.

Прогнав старую боль, Мойра смотрела, как Рагнелл бросает палку своему псу Сару, громадному волкодаву, который был вдвое тяжелее Рагнелла и размером с небольшого пони. Ненадолго ее сын превратился в беззаботного мальчика, и она почувствовала себя виноватой за то, что он не мог всегда быть таким, — на его милом детском личике были глаза старика. Так ей по крайней мере казалось.

Рагнелл занес руку, чтобы еще раз бросить палку, но замер, взглянув на вершину утеса.

— Здесь отец.

Мойра вздрогнула, как всегда, когда слышала, что Рагнелл называет этого омерзительного человека отцом, потом повернулась и, увидев наверху медвежью фигуру Шона, подавила подкатившую к горлу волну тошноты. Даже на таком расстоянии она почувствовала беду и не хотела, чтобы Рагнелл оставался сейчас с ней рядом.

— Ты знаешь, как он ненавидит Сара; уведи собаку, — сказала она, а когда Рагнелл замешкался и встревоженно посмотрел на нее, подтолкнула его: — Быстро!

— Пойдем, — окликнул Рагнелл пса, и Сар затрусил рядом с ним вдоль берега.

Пока Шон по тропинке спускался к ней с утеса, Мойра заставила свое тело расслабиться, потому что проявление страха только воодушевляло мужа. Но, к сожалению, Шон чувал страх, как дикий зверь, которым, в сущности, и являлся. Когда Шон подошел к ней и, встав совсем близко, навис над ней, упершись руками в бедра и широко расставив ноги, она улыбнулась ему.

— У тебя есть что сказать мне, дорогая жена? — Шон смотрел на нее холодными, как дующий с зимнего моря ледяной ветер, глазами.

Страх сильнее сдавил ей горло, чтобы воспротивиться ему, она еще радостнее улыбалась, пока, наконец, не смогла заговорить:

— Только то, что я рада, что ты смог прийти и прогуляться со мной. Я знаю, как ты занят.

Распространявшийся от него запах виски усилил ее тревогу — даже для Шона было еще слишком рано, чтобы пить крепкие напитки.

— Я видел, как в зале за завтраком мой брат Колла смотрел на тебя, — сказал Шон.

«Только не это снова», — подумала Мойра. Было время, когда Шону нравилось, что мужчины смотрят на нее, и он даже поощрял их, отпуская непристойные замечания в ее адрес, а теперь это только выводило его из себя.

С Шоном всегда было трудно, но когда в битве при Флоддене погибли ее отец и брат Рагнелл, он стал еще невыносимее. После их смерти судьба отвернулась от их клана и вместе с ним и от нее. Шон почитал власть, а она лишилась своей власти.

До Мойры доходили слухи, что ее клан постепенно собирает силы под руководством ее брата Коннора, однако Коннор ни разу не навестил ее, чтобы продемонстрировать Шону, что его волнует благополучие сестры. Мойра попросила бы брата приехать, если бы Шон разрешил ей послать весточку.

— Я ни при чем, если мужчины смотрят на меня, — отозвалась Мойра, как она надеялась, легким тоном.

— Ты подстрекаешь их. Я вижу, как ты выставлешь себя напоказ перед ними.

— Ничего подобного. — Ей следовало промолчать, но Мойра уже не смогла сдержаться. Ей надоели выдуманные обвинения, ее тошнило от необходимости делать вид, что он всегда прав, и она до смерти устала от него самого.

— Теперь ты называешь своего мужа лгуном?

Мойра крепко зажмурилась, приготовившись к пощечине.

— Прекрати! — закричал Рагнелл. — Оставь ее!

Услышав голос сына, Мойра открыла глаза. Рагнелл стоял, расставив ноги и сжав в руке палку, которую до этого бросал собаке, — маленький мальчик подражал боевой стойке воина, которым станет в будущем.

— Все в порядке, — сказала Мойра в ответ на встревоженный взгляд Рагнелла, хотя смертельная тяжесть сдавила ей грудь. — Опустит палку, прошу тебя.

От страха у Мойры душа ушла в пятки, когда, взглянув в лицо Шона, она прочла в нем обещание скорой расправы. Ее мир висел на тоненькой ниточке, все зависело от способности мужа держать себя в руках, и, когда Шон, откинув голову, громко расхохотался, у Мойры подкосились колени. На этот раз, в виде исключения, непредсказуемость Шона сыграла в ее пользу.

— Ты будешь беспощадным воином, как твой отец, — сказал Шон, взъерошив сыну волосы, но маль-